

зе с ним: «Это уже не твое дело. Я сама про себя знаю, где погибну...» Однако чистый и идеальный характер их отношений вне сомнений, чувственная сторона в тени (занавес опускается как нельзя вовремя) в отличие от страстной и только неожиданным приездом следователей прерываемой «оргии» в Мокром. На чистоте и нравственности Маши настаивается, так чтобы даже никакого подозрения не могло возникнуть: «Эта девушка так же нравственно чиста, как голубь. И мои отношения с ней дружеские. Если, может быть, на них есть оттенок поэтичности, то это все-таки не уничтожает чистоты — чести этой девушки». И ничего inferнального в Маше нет, как нет и мгновенной смены настроений и чувств, свойственных царице inferнальниц Грушеньке, в натуре которой так удивительно переплелось скверное и хорошее, доброе и злое, жестокое и жертвенное (характер идеальной цыганки в «Живом трупe» очищен от противоречий, в определенной степени привязан к авторской тенденции, следовательно, и схематичен).

В 1894 году Толстой отдает в предсимволистский журнал «Северный вестник» «буддистскую сказочку» под названием «Карма», поясняя в письме к редактору Л. Я. Гуревич, что она ему очень понравилась «и своей наивностью, и своей глубиной. Особенно хорошо в ней разъяснение той часто с разных сторон, особенно в последнее время, затемняемой истины, что избавление от зла и приобретение блага добывается только усилием; что нет и не может быть такого приспособления или учреждения, посредством которого, помимо своего личного усердия, достигалось бы своё или общее благо, когда оно благо общее. Как только разбойник, вылезавший из ада, пожелал блага себе одному, так его благо перестало быть благом, и он оборвался». Сказочка буддистская, но заключающая в себе «две основные открытые христианством людям истины: о том, что жизнь только в отречении от личности, — кто погубит душу, тот обретет ее, и что благо людей только в их единении с Богом и через Бога между собой...» Параллель и толкование сугубо толстовские — в духе его учения, к которому приноровлен и перевод сказки. Перевел же он ее потому, что увидел в сказке образно и доступно рассказанные фундаментальные и необходимые, по его убеждению, истины для всего человечества. В предисловии и переводе Толстого курсивом подчеркивается типично толстовская мысль о пагубности эгоизма («Эгоизм — сумасшествие», — записывает Толстой в дневнике), о «заблуждении личности». История разбойника Кандаты и поучения буддийского монаха близки мыслям, неоднократно звучавшим в творчестве Толстого.

Истины, изложенные в «Карме» в виде образной притчи, в том или ином качестве присутствуют и в других произведениях позднего Толстого. Характерна запись, сделанная Д. Маковицким 9 августа 1906 года: «Утром и пополудни проверяли „Фальшивый купон“, соответствующий „Карме“. Александра Львовна сказала, что это ее самое любимое сочинение; чтобы его докончить, надо три года работать».¹⁹⁸ «Фальшивый купон», действительно, в некотором смысле «буддистская» повесть, где так замысловато переплетены две бесконечные лестницы человеческих деяний — злых и добрых.

Притча, легшая в основу «буддистской сказки», существует в разных фольклорных вариантах и литературных переложениях.¹⁹⁹ Еще в 1859 году в «Народных русских легендах» А. Н. Афанасьев опубликовал легенду «Хри-

¹⁹⁸ Лит. наследство. Т. 90. Кн. 2. С. 201.

¹⁹⁹ См.: *Иванов Вяч. Вс.* О научном ясновидении Афанасьева, сказочника и фольклориста // Литературная учеба. 1982. № 1. С. 158; *Туниманов В. А.* Одна луковка и две паутинки (Ф. Достоевский, Л. Толстой, Рюноске Акутагава) // Acta Slavica Iaponica. Tomus XIII. 1995. Sapporo, Japan. P. 184—225.